

мир приключений и тайн

Брэм Стокер

Дракула

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КЛУБ СЕМЕЙНОГО ДОСУГА

Мир приключений и тайн

Брэм Стокер

Дракула

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

УДК 821.111
ББК 84.4ВЕЛ

Стокер Б.

Дракула / Б. Стокер — Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», — (Мир приключений и тайн)

ISBN 978-966-14-3982-4

«Дракула – не человек, а страшное существо, которого следует остерегаться», – понимает молодой юрист Джонатан Харкер, лишь однажды побывав в мрачном замке графа. Кровавые события не заставили себя долго ждать: жертвой Дракулы становится близкая подруга невесты Харкера. Он отведал ее крови и превратил в вампира. Девушку приводится уничтожить отвратительным, но единственно возможным способом – вбить осиновый кол в ее сердце. А тот, кто погубил ее, все еще разгуливает на свободе... Несколько отважных мужчин объединяются и начинают погоню за графом Дракулой. Их миссия – очистить землю от монстра.

УДК 821.111
ББК 84.4ВЕЛ

ISBN 978-966-14-3982-4

© Стокер Б.
© Книжный Клуб «Клуб Семейного
Досуга»

Содержание

Английская готика	6
Глава 1	8
Глава 2	16
Глава 3	22
Глава 4	29
Глава 5	36
Глава 6	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Брэм Стокер

Дракула

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2013

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2013

* * *

Английская готика

«Читал две ночи и боялся отчаянно. А потом понял еще и глубину этой замечательной вещи» – так Александр Блок отозвался в письме к другу о романе Брэма Стокера «Дракула», увидевшем свет в 1897 году.

Этот роман причисляли к самым различным жанрам – то к «литературе ужасов», то к готическому роману, но в действительности он представляет собой уникальный образец «романа в письмах и дневниках», в котором автору удалось придать повествованию захватывающее правдоподобие, динамичность и остроту.

Стокер не был первым писателем, сделавшим вампира героем своего произведения, однако «Дракула» оказал небывалое влияние на формирование мифа о вампирах в XX столетии. После «Дракулы» появилось огромное количество книг, фильмов, аниме, комиксов и компьютерных игр, посвященных вампирам, а текст самого романа знатоки считают самым полным и детальным описанием вампира в популярной литературе. Писатель изобразил вампиризм как заболевание – заразную демоническую одержимость, и сделал это с такой убедительностью, что его роман и сегодня читается на одном дыхании.

Брэм Стокер (1847–1912) – литературное имя. На самом деле этого ирландца, уроженца Дублина, звали Абрахам Стокер. В детстве он много болел, до семи лет не мог вставать и ходить, и вынужденная неподвижность способствовала развитию его воображения. Тем не менее Стокеру удалось преодолеть болезнь, и уже во время учебы в Дублинском университете он считался одним из лучших футболистов и легкоатлетов.

Окончив с отличием математический факультет, Стокер несколько лет провел на государственной службе, одновременно публикуя на страницах дублинской газеты «Ивнинг мэйл» очерки и критические обзоры театральной жизни. Будущую литературную знаменитость связывала тесная дружба с английским актером Генри Ирвингом, и в 1878 г. Ирвинг предложил Стокеру стать директором-распорядителем лондонского театра «Лицеум». Стокер переехал в Лондон и занимал эту должность на протяжении более четверти века.

Благодаря дружбе с Ирвингом Стокер был принят в высшем обществе Лондона, завязал близкое знакомство с Артуром Конан Дойлом и выдающимся живописцем Джеймсом Уистлером, а его женой стала Флоренс Бэлкам, в которую был влюблен Оскар Уайльд.

Замысел «Дракулы», как вспоминал позже сын писателя, явился Стокеру во сне – ему привиделся встающий из гроба Король Вампиров. Это случилось в начале 1890 г., но работа над романом продолжалась около восьми лет. Писатель собирал европейский фольклор и литературные легенды о вампирах, изучал ирландские мифы о таинственных кровососущих существах, а также историю правителей Валахии и Трансильвании. Его внимание привлекла фигура валашского князя Влада Цепеша, правившего в XV в. Этот властитель отличался невероятной жестокостью, коварством и кровожадностью и в летописях упоминается как Влад III Дракул (то есть «сын дракона»). Он-то и стал прототипом «литературного вампира», однако писатель, в отличие от исторического персонажа, наделил его всевозможными сверхъестественными свойствами.

Публикация романа принесла Брэму Стокеру поистине оглушительный успех – «Дракула» был мгновенно признан самым выдающимся романом ужасов в мировой литературе. Он выдержал бесчисленное количество переизданий, переведен чуть ли не на все языки мира, послужил основой для театральных постановок и экранизаций, за которые брались такие великие мастера кино, как Фридрих Мурнау, Тод Браунинг, Теренс Фишер и Фрэнсис Форд Коппола. В XX в. появилось множество продолжений романа, созданных другими авторами, и «параллельных» версий «Дракулы».

Впоследствии Стокер опубликовал еще ряд романов, среди которых «Тайна моря» (1902), «Сокровище Семи Звезд» (1907), «Дама в саване» (1909), «Логово Белого Червя» (1911), а также сборник рассказов «Гость Дракулы и другие странные рассказы», но ни одна из этих книг не смогла даже приблизиться к шедевру писателя ни по своим литературным достоинствам, ни по популярности у читателей.

Глава 1

Дневник Джонатана Харкера

3 мая

Выехал из Мюнхена два дня назад в восемь вечера и прибыл в Вену рано утром на следующий день; поезд опоздал на час. Дальше – Будапешт, удивительно красивый город. В Клуже я был после полуночи и остановился на ночь в гостинице «Ройял». В гостиничном ресторанчике подали цыпленка с красным перцем – вкусное блюдо, но слишком возбуждающее жажду, поэтому я выпил графин воды и полночи не мог уснуть, хотя постель моя была удобной. Под окном выл пес, я ворочался с боку на бок, но под утро провалился в глухой сон. Когда я, боясь опоздать, примчался на вокзал за несколько минут до восьми и сел в вагон, выяснилось, что ранее половины девятого поезд и не собирается трогаться. Здесь вообще не придерживаются точного расписания, в отличие от Англии...

В Лондоне перед отъездом я посетил Британский музей, где рылся в книгах и атласах; всякая мелочь могла пригодиться в общении с нашими клиентами, как и мое скромное знание немецкого языка. Я выяснил, что интересующая меня местность лежит на востоке страны на границе трех регионов: Трансильвании, Молдавии и Буковины, в сердце Карпатских гор. Однако ни географические карты, ни другие источники не помогли мне определить местоположение «Замка Дракулы», укрепив меня в мысли: это одна из самых диких и малоизвестных частей Европы. Но я узнал, что упомянутый графом город Бистрица, с почтовым отделением, реально существует. Книги позволили составить представление не только о народах Трансильвании – саксонцах, валахах, мадьярах и секеях, но и о том, что в тех краях до сих пор бытуют фантастические предания и древние легенды. Если это действительно так, то моя поездка обещает быть очень интересной.

В течение дня я любовался мелькавшими за окном пейзажами. Мимо проносились небольшие селения и одинокие замки на крутых холмах, змеились бурные реки, сжатые высокими каменными берегами; на каждой станции толпились жители в пестрых нарядах. К вечеру я наконец добрался до Бистрицы. Граф в своем письме хвалил гостиницу «Золотая корона», и она действительно будто сошла со старинной гравюры.

По-видимому, меня здесь ждали: в дверях я увидел направившуюся ко мне с улыбкой средних лет женщину в национальном костюме – белой юбке с двойным длинным передником из цветной шерстяной материи. Она учтиво поклонилась:

– Господин прибыл из Англии?

– Да, – ответил я, – Джонатан Харкер.

Женщина подала знак слуге, и тот протянул мне запечатанный конверт. Я вскрыл его и прочел: «Друг мой, с приездом! С нетерпением ожидаю Вас. Эту ночь отдыхайте, а завтра в три часа в Буковину отправляется почтовая карета, или дилижанс, как у Вас говорят. Одно место зарезервировано за Вами. В ущелье Борго Вас будет ждать коляска, далее – в замок. Надеюсь, что после шумного Лондона Вас не разочарует пребывание в нашей чудесной стране. Искренне Ваш, граф Дракула».

5 мая

Серое утро сменилось ярким солнцем, высоко поднявшимся над зубчатым горизонтом. Не знаю, деревья или холмы придают ему такую форму – вдаль все очертания сливаются. Спать не хочется, ко мне никто не постучится, пока я сам не выйду; буду писать в дневник...

Здесь происходит бездна странных явлений, сходных с галлюцинациями, – мне куда проще описать свой вчерашний обед. Основное местное блюдо зовется «разбойничье жаркое». Состоит оно из крупных кусков мяса и сала с луком, приправленных все той же паприкой, – блюдо готовится прямо на углях. К жаркому было подано вино «Золотой медок», странно пощипывающее язык, но, в общем, приятное; я одолел всего пару бокалов.

В гостинице получили указание от графа оставить для меня место в дилижансе, однако на все расспросы не отвечали, делая вид, что не понимают моего немецкого. Это явная отговорка. Хозяин и его жена испуганно переглядывались, наконец хозяин пробормотал, что деньги за мое пребывание уплачены и больше ему ничего не известно. Когда я спросил, знает ли он графа Дракулу и не может ли что-нибудь рассказать о его замке, то оба просто-напросто замолчали. Эта таинственность отнюдь не ободрила меня.

Перед самым отъездом ко мне вошла хозяйка и взволнованно спросила:

– Вам непременно нужно ехать сегодня, господин?

Я утвердительно кивнул. Она была очень возбуждена, ужасно коверкала немецкие слова, и смысл ее речей я улавливал с большим трудом. Когда я повторил, что отправляюсь по важному делу, женщина спросила:

– Знаете ли вы, какой день сегодня?

Я ответил:

– Четвертое мая...

– Верно, – сказала она. – А известно ли вам, что это канун Дня святого Георгия? И что именно сегодня, едва пробьет полночь, до самого восхода нечистая сила властвует на земле? Вы не имеете представления о том, куда направляетесь... Послушайте нас, переждите пару дней или... или вообще уезжайте отсюда...

Все это выглядело довольно глупо, я не мог допустить, чтобы на мое решение влияли какие-то суеверия. Поэтому я как мог успокоил хозяйку и твердо заявил, что поездку отложить не могу. Тогда она неожиданно сняла со своей шеи крестик и протянула мне. Я не знал, как поступить, поскольку принадлежу к англиканской церкви и с детства приучен относиться к подобным символам иначе. Но мне было неловко оскорбить чувства пожилой доброй дамы; она же, видя мои колебания, сама надела мне крест на шею...

Пишу в ожидании почтовой кареты, которая, конечно же, запаздывает. Виной ли крестик, непонятное мне поведение хозяйки гостиницы или рассказы о нечистой силе – не знаю. Однако я не чувствую себя спокойно и непринужденно.

А вот и карета!

6 мая

Когда я устроился в дилижансе, кучер еще не занял своего места; я видел, как он беседует с хозяевами гостиницы. Наверное, разговор шел обо мне – в мою сторону то и дело

поглядывали. А вскоре и остальные пассажиры стали на меня коситься и, как мне показалось, не без сочувствия. При этом они негромко и быстро переговаривались на совершенно незнакомом мне языке, в котором я не разбирал ни слова, кроме единственного: *pokol* – «ад».

Едва был подан сигнал к отправлению, у дилижанса собралась небольшая толпа горожан. Все они тотчас осенили себя крестным знамением; с большим трудом, лишь узнав, что я англичанин, мой сосед объяснил, что это служило как бы защитой от дурного глаза.

Такое начало путешествия мне не очень понравилось, но позже я был тронут искренним вниманием ко мне моих спутников. Покрыв широким холстом сиденье, наш кучер ударил длинным бичом по четверке лошадей, и мы отправились в путь.

Вскоре я обо всем позабыл, залюбовавшись красотой этих мест. Изумрудные леса и дубравы перемежались зелеными холмами или хуторами, остроконечные кровли которых были видны с дороги. Часто встречались цветущие фруктовые деревья – груши, яблони, сливы, вишни, шелковистая трава под которыми была сплошь усеяна опавшими лепестками.

Наша дорога то извивалась ужом среди холмов, то свободно устремлялась вперед между сосновых лесов, но мы неслись с невероятной скоростью. Я не понимал причины такой спешки; по-видимому, кучеру было велено не терять времени и поспеть к определенному часу в ущелье Борго, по обе стороны которого высятся могучие цепи Карпатских гор. Мы мчались без остановок, а солнце за нашими спинами опускалось все ниже и ниже. Вечерние тени ползли по пятам за нами. Местами подъемы на холмы оказывались до того круты, что, несмотря на все старания кучера, лошади с трудом их одолевали. Я собирался, как это принято в моей стране, сойти и помочь животным, но возница слышать об этом не хотел.

– Нет-нет, – твердил он, – никто не должен покидать карету, здесь бродят свирепые звери...

Сам он только раз придержал коней, и то лишь затем, чтобы зажечь фонари.

Когда стемнело, пассажиры забеспокоились и стали просить кучера ехать быстрее. Ударами длинного бича и дикими криками он заставил лошадей буквально лететь. Затем сквозь сумрак я увидел какой-то сероватый просвет – словно бы расщелину в холмах. Волнение среди пассажиров нарастало; наш шаткий дилижанс подскакивал на рессорах и раскачивался во все стороны. Мне приходилось крепко держаться. Затем дорога выровнялась, горы приблизились вплотную, и дилижанс въехал в ущелье Борго. Все крестились так же, как в Бистрице.

Мы помчались дальше, кучер наклонился вперед, а пассажиры нетерпеливо всматривались в окружающий мрак. Это состояние всеобщего волнения продолжалось еще некоторое время, пока наконец не показался выход из ущелья. Было по-прежнему темно, душный воздух предвещал грозу. Я пристально смотрел на дорогу, надеясь увидеть экипаж, который доставит меня к графу, но безрезультатно. В мутных лучах фонарей дилижанса виднелся лишь пар от спин наших наполовину загнанных лошадей да песчаные колеи. На всем протяжении нашего пути нам не встретилось ни одной повозки.

Пассажиры вскоре успокоились и, казалось, потеряли ко мне интерес. Я раздумывал над тем, что предпринять, когда рядом кто-то тихо произнес:

– Видно, он опоздал...

Вдруг кучер круто обернулся ко мне и выкрикнул на отвратительном немецком:

– Нет здесь никакой коляски. Ясно, что господина не ждут. Пусть он едет сейчас с нами в Буковину, а завтра вернется обратно, а лучше – на следующий день...

Пока он говорил, лошади остановились, будто споткнувшись о невидимый барьер, начали ржать, фыркать и бить копытами. Чтобы удержать их, кучеру пришлось напрячь все силы.

Поднялся невообразимый шум, кто-то взвизгнул, пассажиры снова начали креститься. Я оглянулся – позади возникла напряженная четверкой лошадей коляска. Догнав дилижанс,

она поравнялась с нами. Когда свет фонарей упал на нее, я увидел великолепных породистых вороных, на козлах восседал бородатый возница в широкополой черной шляпе, скрывавшей его лицо. Я смог разглядеть только блеск глаз, показавшихся мне красноватыми, когда он обернулся к нам.

Мужчина усмехнулся:

– Ты что-то рановато сегодня, дружище...

Кучер, заикаясь, пробормотал:

– Англичанин очень торопил!

– Потому-то ты и посоветовал ему ехать в Буковину? Меня не проведешь, лошади у нас быстрые... Поддай-ка сюда багаж господина...

В луче фонаря мелькнула жестокая ухмылка незнакомца, его яркие губы и зубы, белые, как слонобая кость.

С необычайным проворством мои вещи были извлечены из дилижанса и переложены в коляску. Затем я вышел, возница помог мне взобраться, подхватив меня под локоть стальной рукой, – сила в ней чувствовалась необычайная. Не говоря ни слова, он дернул вожжами, лошади повернули, и мы помчали по ущелью в кромешной тьме. Оглянувшись, я успел увидеть, как наш дилижанс тронулся по дороге. Едва он исчез во мраке, как меня охватило чувство одиночества и странный озноб – и тут же мне на плечи был наброшен теплый плащ, колени укрыты пледом, и мой спутник проговорил на чистом немецком:

– Ночь холодна, сударь, а мой господин просил окружить вас заботой. Под сиденьем вас дожидается фляжка сливовицы – нашей фруктовой водки.

Я не прикоснулся к напитку, но приятно было сознавать, что фляга под рукой. Чувствовал я себя несколько странно, однако беспокойства не ощущал; хотя, честно признаться, предпочел бы поскорее закончить это ночное путешествие.

Наконец коляска повернула на какую-то извилистую тропу, тянущуюся довольно долго, потом мы круто вильнули и опять попали на прямую дорогу. Казалось, мы кружим на одном месте. Желая проверить свою догадку, я заметил ориентир – особой формы дерево – и вскоре убедился, что это именно так. На языке у меня вертелся вопрос, что это означает, но я опасался задать его вознице, ибо в моем положении протестовать не имело смысла, тем более если все это делалось умышленно. Спустя некоторое время я чиркнул спичкой и при ее вспышке взглянул на часы; была полночь без нескольких минут. Почему-то это неприятно поразило меня.

Внезапно откуда-то издалека донесся собачий вой – жалобный, тягучий, полный ужаса. Его подхватили еще с полдюжины псов – и эти дикие звуки заполнили всю округу. Лошади начали дрожать, метаться, и кончилось тем, что они встали на дыбы, но возница ласково заговорил с ними, и животные немного успокоились. Но тут раздался еще более пронзительный вой – на этот раз уже волчий. Мне нестерпимо захотелось выпрыгнуть из коляски и бежать куда глаза глядят, но кони снова вздыбились и слепо рванулись вперед. Кучеру пришлось употребить всю свою громадную силу, чтобы сдержать их. Я в отчаянии закрыл глаза, а когда открыл, коляска стояла, возница успокаивал лошадей, что-то шепча им на неведомом наречии. Наконец он снова уселся на козлы и, взяв вожжи, пустил свою четверку вороных крупной рысью.

Оставив далеко позади ущелье, мы неожиданно свернули на узкую, стиснутую с двух сторон деревьями колею, которая напоминала туннель, прорезавший мрачные утесы. Бешеный ветер свистел и стонал, резко похолодало, повалил снег, вскоре покрывший все вокруг белой пеленой. Вой собак стал глуше, но зато волчий вой окружал нашу коляску со всех сторон и продолжал приближаться. Ужас ледяной рукой коснулся моей души, четверка лошадей вновь забеспокоилась, однако возница и бровью не вел. Он как ни в чем не бывало про-

должал путь, зорко всматриваясь в темноту. Я устало откинулся на сиденье и погрузился в мучительную полудремоту.

*Волки, покрытые щетинистой шерстью,
стояли молча, не сводя с меня горящих злобой глаз.
От страха я не мог пошевелиться.*

Открыть глаза меня вынудил тревожный свет огромной луны, которую поминутно застилали рваные облака. Повозка вновь стояла как вкопанная, возница исчез, а я был окружен кольцом волчьих пастей. Волки, покрытые щетинистой шерстью, стояли молча, не сводя с меня горящих злобой глаз. От страха я не мог пошевелиться. Вдруг звери пронзительно завывали, будто луна заставила их очнуться, но с места не сдвинулись. Удивительным было то, что лошади лишь мелко дрожали и фыркали; но когда вой стал уж совсем нестерпимым, я отчаянно, изо всех сил, закричал... Неизвестно откуда появился возница; я услышал его повелительный голос. Он протянул длинные мускулистые руки, словно отстраняя неосознанное препятствие, и волки начали отступать. Когда луна снова ненадолго выглянула, кучер уже спокойно взбирался на сиденье, а зверей и след простыл.

Я боялся произнести хоть слово; время тянулось мучительно долго, и дальнейшее путешествие мы продолжали уже в кромешной тьме, так как облака окончательно закрыли луну. Мы поднимались все время в гору; не помню, сколько это продолжалось...

Наконец я почувствовал, что повозка остановилась – мы находились на подворье обширного древнего, полуразрушенного замка. Высокие окна были темны и мрачны, а осыпающиеся зубчатые стены образовывали странные зигзаги. В сумраке двор замка казался необъятным, от его середины дорожки вели к большим круглым аркам. Возница соскочил и протянул мне руку, чтобы помочь сойти, и я опять невольно обратил внимание на его нечеловеческую силу – его пальцы сжали мое запястье, словно стальные клещи. Затем он бросил мой багаж на камни двора.

На мощенную неотесанными камнями площадку выходила громадная дверь, обитая ржавыми железными гвоздями. Даже при тусклом свете я отметил, что камни истерты временем и непогодой. Пока я стоял, возница снова взобрался на козлы, лошади рванулись и скрылись с экипажем под одним из темных сводов. Я остался в полном одиночестве и не знал, что предпринять. У дверей не было и намека на звонок или молоток; не было надежды и на то, что мой голос проникнет сквозь мрачные стены.

Где я и в какую историю впутался? Что судьба готовит мне, обычному лондонскому стряпчему, отправившемуся к богатому иностранному клиенту, купившему в Лондоне недвижимость? Что здесь делает обыкновенный помощник адвоката, а ныне, после недавней успешной сдачи экзаменов, полноправный адвокат?.. Я начал щипать себя, чтобы убедиться, что все это не сон: кошмары, звери, замок, перед которым я стою. Увы, это была реальность, а я находился в Карпатах. Мне оставалось только запастись терпением и ждать наступления утра...

Едва придя к этому заключению, я услышал в доме приближающиеся грузные шаги; в щели входной двери показалась полоска света. Затем раздался скрежет цепей, грохот отдвигаемых массивных засовов. На пороге возник высокий господин с чисто выбритым подбородком и длинными седыми усами, с первого взгляда показавшийся мне стариком; одет он был с головы до ног во все черное. В левой руке он держал старинную серебряную лампу, в которой не было лампового стекла, и пламя горящего фитиля отбрасывало длинные трепещущие тени. Господин произнес по-английски с едва заметным акцентом:

– Добро пожаловать! Входите смело и по доброй воле.

Он не двинулся ко мне навстречу, а стоял неподвижно, как статуя. Но не успел я переступить порог, как хозяин дома, протянув руку, сжал мою с такой силой, что заставил меня вздрогнуть: его пальцы были холодны как лед. Мощь его руки оказалась настолько схожей с той, что я заметил у возницы, что у меня возникло сомнение: не одно ли и то же лицо – кучер и господин? Я растерянно спросил:

– Граф Дракула?

– Именно. Приветствую вас, мистер Харкер, в моем родовом замке. Входите же, ночи нынче холодные, а вы, надо полагать, нуждаетесь в еде и отдыхе!

Произнеся это, граф повесил лампу на крюк в стене и, шагнув вперед, подхватил мой багаж настолько расторопно, что я лишь неловко попытался воспротивиться подобной учтивости.

– Нет, сударь, вы гость. Теперь поздно, поэтому на моих людей рассчитывать не приходится. Позвольте мне самому позаботиться о вас...

С этими словами он понес мои вещи по коридору. Мы поднялись по плохо освещенной винтовой лестнице и попали в другой широкий коридор; наши шаги гулко отдавались в тишине. В конце коридора хозяин замка толкнул тяжелую дверь, и я увидел ярко освещенную комнату, где стоял круглый стол, накрытый к ужину, а в огромном камине весело потрескивали дрова. Граф захлопнул дверь и, минуя столовую и небольшую восьмиугольную проходную комнатку с одной горящей лампой и совершенно лишенную окон, прошел в следующее помещение, куда и пригласил меня войти. Это была светлая просторная спальня, тепло в которой поддерживалось топившимся камином. Граф опустил на пол мои вещи и перед тем, как удалиться, произнес:

– Вам, сударь, после дороги, думаю, захочется привести себя в порядок. Вы найдете здесь все необходимое, а когда будете готовы, пройдите в столовую, где вас ожидает ужин...

Мягкий свет и тепло, а также вежливая сдержанность графа Дракулы совершенно рассеяли мои страхи и сомнения. Я взбодрился и неожиданно почувствовал, что отчаянно голоден; наскоро переодевшись, я поспешил в столовую. Граф, стоявший у камина, пригласил меня к столу:

– Надеюсь, вы простите, если я не составлю вам компании: я уже отобедал и никогда не ужинаю.

Я вручил ему запечатанное письмо от мистера Хокинса. Граф вскрыл конверт, пробежал глазами послание и затем с улыбкой протянул его мне. Одно место в письме заставило меня слегка покраснеть. Вот что он писал: «...Я очень сожалею, что приступ подагры, которой я давно подвержен, лишает меня возможности предпринять столь продолжительную деловую поездку. Мой помощник, которому я полностью доверяю, заменит меня во всех отношениях. Это энергичный и талантливый молодой человек. Располагайте, сэр, мистером Джонатаном по вашему усмотрению...»

Граф подошел к столу, снял крышку с блюда – и я буквально набросился на прекрасно прожаренного цыпленка. На десерт был сладкий салат и сыр. Бутылка старого токайского, которого я выпил бокал или два, – вот, собственно, и весь ужин. Хозяин замка расспрашивал меня о путешествии; я поведал ему все пережитое мной. Затем я придвинул стул к огню и закурил предложенную мне сигару. Граф не курил и уселся на кушетке напротив меня...

У него было подвижное, весьма оригинальное лицо. Тонкий породистый нос с особенными, странной формы, ноздрями; надменный высокий лоб, волосы, редкими клочковатыми прядями падающие на виски; очень густые, сросшиеся над глубоко посаженными глазами брови. Рот, насколько я мог разглядеть под пышными усами, был решительный, даже жестокий, с необыкновенно острыми белыми зубами, губы поразительно яркие для человека его возраста, и бледная, почти восковая кожа. В отблесках пламени в камине его руки, лежащие на коленях, производили впечатление белых и тонких, однако, когда граф беседовал со мной, произвольно жестикулируя, я заметил, что ладони у него мясистые и закругленные. Ногти были длинными, с заостренными концами.

Когда он в ходе нашей беседы потянулся ко мне, я замер. Возможно, его дыхание было нечистым, потому что мной овладела мучительная тошнота, которой я не сумел скрыть. Граф, очевидно, заметил это, так как сразу же выпрямился и с угрюмой усмешкой поднялся с кресла. Мы оба некоторое время молчали; я взглянул в окно – уже близился рассвет. Напря-

гая слух, я уловил вдалеке отзвуки волчьего воя. Черные, почти без радужек, зрачки его глаз сверкнули; заметив странное, должно быть, выражение моего лица, граф проговорил:

– Вы, наверное, устали... Ваша постель готова, утром можете нежиться сколько захотите. Меня не будет до полудня; спите спокойно – и приятных вам сновидений!

С холодноватым поклоном он открыл дверь в восьмиугольную комнатку без окон, и я направился в свою спальню.

Глава 2

7 мая

Вчерашний день выглядел следующим образом. Я спал долго и проснулся совершенно отдохнувшим. Одевшись, я отправился в комнату, где накануне ужинал, и нашел там холодный завтрак и кофе, который подогревался на огне камина. На столе лежала карточка:

«Вынужден ненадолго отлучиться. Не ждите. Д.»

Радуясь свободе, я уселся за стол, затем поискал глазами колокольчик, чтобы дать знать прислуге, что я покончил с едой, однако колокольчика нигде не оказалось. В замке, по-видимому, действуют свои особые правила.

Только теперь я основательно осмотрелся. Меня окружала неслыханная роскошь. Столовая посуда из золота великолепной выделки, тяжелые парчовые шторы и обивка старинных стульев и кушетки, потребовавшая, без сомнения, баснословных затрат еще тогда, когда они были куплены. Вещи содержались в идеальном порядке, хоть на вид им было немало десятилетий, а то и столетий. Станным мне показалось лишь отсутствие зеркал во всех помещениях, – в моей спальне не было даже туалетного зеркала, и мне пришлось воспользоваться собственным из несессера, чтобы побриться и причесаться. Кроме того, у меня сложилось впечатление, что замок совершенно необитаем...

Без позволения хозяина я не стал его осматривать. Вместо этого я попытался найти что-нибудь почитать. В столовой я ничего не обнаружил; заметив еще одну узкую дверь в стене, я осторожно толкнул ее – и оказался в библиотеке, очевидно, служившей графу и кабинетом. Там я обнаружил большое количество изданий на английском языке – полки были полны книг и переплетенных подшивок газет и журналов. На письменном столе также лежали газеты, однако свежих среди них не нашлось. Книги здесь имелись самые разнообразные: по истории, географии, политической экономии, ботанике, геологии, законоведению – все, что могло относиться к жизни, обычаям и нравам Британских островов.

Пока я рылся в книгах, дверь распахнулась и с радушной улыбкой вошел хозяин замка.

– Я рад, что вы обнаружили библиотеку. – Он опустил в кресло и жестом пригласил меня присесть рядом. – Книги были мне преданными друзьями в течение нескольких лет, когда я еще и не собирался в Лондон... Я полюбил вашу великую страну. Мне так хочется узнать ее поближе, но, увы, – недостаточно владею языком. Надеюсь, с вашей помощью я научусь говорить по-английски как следует.

– Помилуйте, граф, у вас прекрасный английский!

– Благодарю за комплимент, но все же боюсь, что я нахожусь лишь на полпути. Память у меня хорошая, и грамматику я осилил... однако все это не то... Живи я в Лондоне, любой ребенок узнает во мне иностранца. Здесь я знатен, я – магнат, все в моих руках, а на чужбине даже богатый чужеземец – никто. Люди равнодушны к нему и, как следствие, не отзывчивы. Я не терплю, когда на меня указывают пальцем, уж лучше ничем не выделяться из толпы... Вы приехали сюда по делу, однако я хотел бы, чтобы вы побыли здесь еще немного; во время наших бесед я надеюсь освоить разговорную речь... Прошу вас, друг мой, исправлять мои ошибки в произношении самым суровым образом!

Я кивнул и, смутившись, попросил разрешения пользоваться библиотекой по своему усмотрению.

– Разумеется, – ответил он. – Чувствуйте себя как дома во всем. Можете свободно заходить куда вздумаете, за исключением тех комнат, двери которых заперты. На это есть уважительные причины... Трансильвания – не Англия, наши нравы и обычаи отличаются от ваших; тут многое покажется вам странным. Впрочем, вам уже пришлось с этим столкнуться...

Его слова послужили завязкой долгого разговора, однако граф на все мои вопросы отвечал уклончиво и без особой охоты. Оживился он лишь тогда, когда я стал расспрашивать о местных легендах и суевериях, о кладях, предсказаниях и мистических знаках. Затем неожиданно оборвал себя и проговорил:

– Все эти сказки с давних времен бытуют среди простонародья... Однако не пора ли, сударь, нам вплотную заняться нашими делами? Расскажите мне о доме, который вы для меня приобрели в Лондоне.

Извинившись за оплошность, я поспешил в свою комнату за нужными бумагами. За то время, пока я рылся в своем кофре, в столовой убрали посуду и зажгли яркие лампы – за окнами сгущались сумерки. Свет горел и в библиотеке. Когда я вошел, граф уже освободил письменный стол от журналов, и мы углубились в чтение документов. Он интересовался всеми деталями и задавал мне множество вопросов о местоположении дома и его окрестностей. Однако у меня сложилось впечатление, что наш клиент заранее изучил все, что касалось покупки дома, и мне ничего не оставалось, как, изложив суть, дать подписать ему нужные бумаги и составить отчет для моего патрона.

Затем граф поинтересовался, каким образом нам удалось так удачно выполнить его довольно-таки замысловатый и прихотливый заказ.

– Однажды в Пэрфлите, – пояснил я, – проходя окольной дорогой, я случайно набрел на место, которое, как мне представилось, должно вас заинтересовать. Участок окружала высокая, старинной архитектуры стена, сложенная из массивного камня и не отремонтированная десятилетия. Поместье называется Карфакс – должно быть, от искаженного французского «катр фас» – четыре фасада, так как дом действительно выходит на четыре стороны. Участок составлял около двадцати акров, на нем множество старых деревьев, придающих поместью несколько сумрачный вид; имелся также водоем. Я поначалу принял его за пруд, но он оказался небольшим естественным озерцом, глубоким и, вероятно, питающимся подземными ключами, поскольку вода в нем необыкновенно прозрачна. Кроме того, это озерцо служит истоком реки. Дом оказался обширным и старым, с высоко расположенными зарешеченными окнами. Я бы сказал, что он немного смахивает на тюрьму... Впрочем, граф, вы ведь хотели приобрести именно такое жилье...

– Это приятно, что дом большой и старинный, – перебил он меня. – Я сам потомок древнего рода, и необходимость жить в современной постройке меня бы огорчила. Дом не может сразу стать удобным... живым... в сущности, как мало дней составляют столетие... Продолжайте же, мой друг...

– К зданию примыкает часовня, также старинная... Я снял ручным фотографическим аппаратом несколько видов с разных точек. Все позднейшие пристройки и объекты отмечены на планах, которые включены в наши документы... – Я замолчал, вопросительно глядя на графа.

Он больше ничем не поинтересовался, лишь с живостью заметил:

– Меня радует, что я найду там древнюю часовню... – Однако дальнейшие слова графа вовсе не свидетельствовали об особой радости. Возможно, это происходило от странного свойства его лица – придавать любой улыбке саркастический оттенок: – Мы, трансильванские магнаты, не можем допустить, чтобы наши кости покоились среди простых смертных. Я уже не молод. Сердце мое, измученное годами печали, не способно больше к веселью; к тому же стены моего замка разрушены, а там много тени, прохлада, мир и тишина... Я хотел бы оставаться наедине со своими размышлениями так долго, насколько это возможно...

Спустя некоторое время он извинился и ненадолго покинул меня. В его отсутствие я продолжил знакомство с библиотекой. Я наткнулся на атлас, открытый на карте Англии; было заметно, что им часто пользовались. Некоторые точки на карте были дважды обведены кружками, и, присмотревшись, я увидел, что одна из них расположена в черте Лондона, как

раз там, где находилось приобретенное графом поместье; другие две – Эксетер и Уайтби – на Йоркширском побережье.

Часа через полтора граф вернулся.

– Вы все еще за книгами! – воскликнул он. – Бросайте это пыльное занятие, стол уже сервирован...

Хозяин замка взял меня под руку и отвел в столовую, где меня ожидал отличный ужин. Граф не ушел, как и накануне, он занял свое место у камина и без умолку говорил, пока я ел. После ужина я уселся у камина с сигарой, а граф стал засыпать меня вопросами на самые разнообразные темы. Хотя я и понимал, что время уже позднее, однако не решался его прервать, поскольку считал, что должен исполнять прихоти солидного клиента; спать же мне не хотелось... В какую-то минуту я неожиданно почувствовал озноб, как бывает во время бессонницы или на рассвете; чувство это было странным и тревожным. Вдруг в тишине раздался пронзительный крик петуха. Хозяин дома вздрогнул, вскочил и прошептал:

– Снова утро!.. – И продолжил с виноватой улыбкой: – Непростительно с моей стороны заставлять вас так долго не спать! Однако беседа с вами так увлекательна, что я забываю о времени...

Рассеянно поклонившись, граф оставил меня. Я отправился к себе в комнату и записал все, что произошло за день.

8 мая

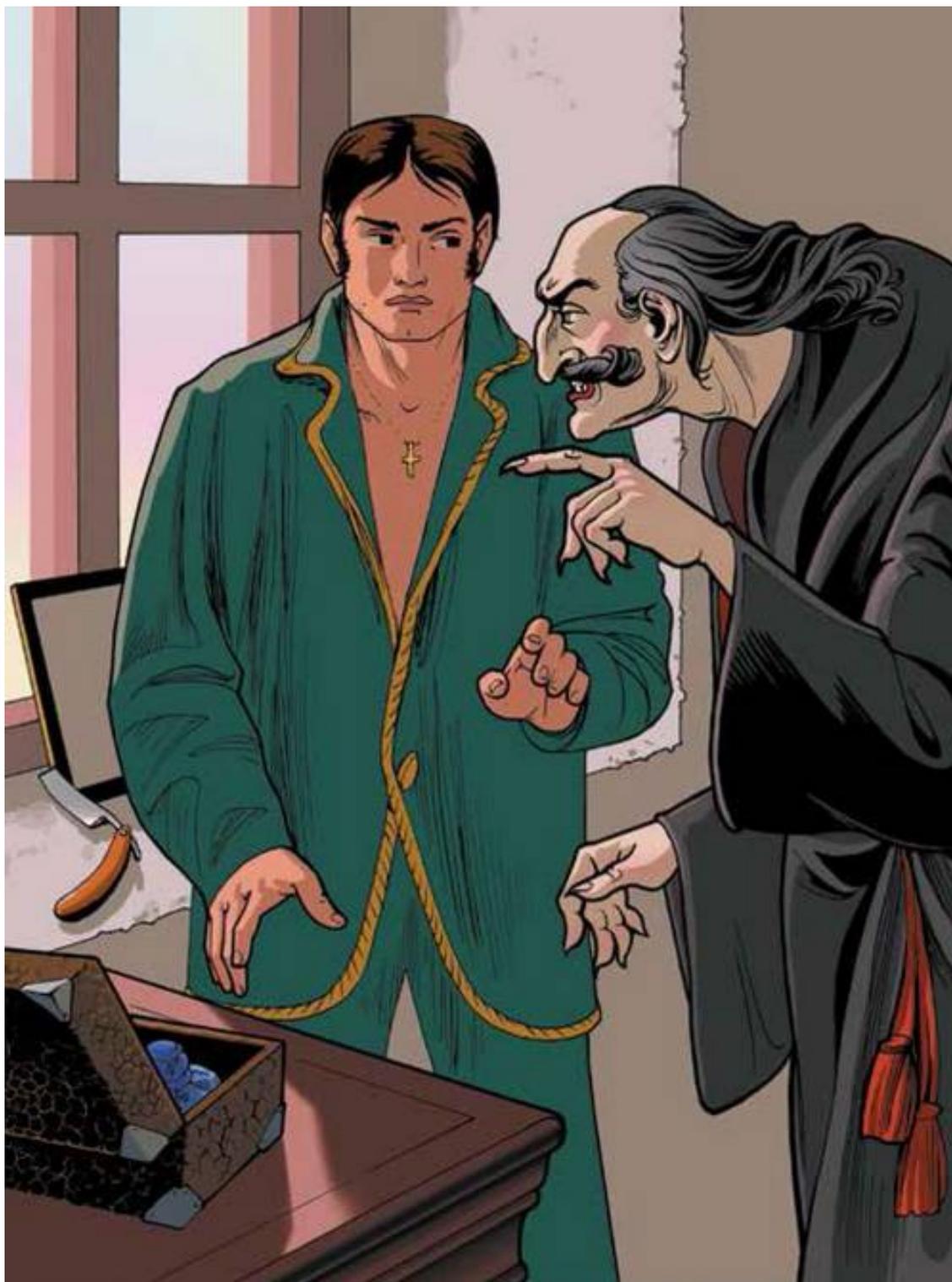
Я продремал всего пару часов и, поняв, что больше не засну, встал. Пристроив зеркальце для бритья на подоконнике, я, еще не одевшись, начал бриться. Вдруг я почувствовал руку на своем плече и услышал голос хозяина замка:

– С добрым утром, друг мой...

Я замер, так как не слышал ничьих шагов. Мое зеркало было достаточно велико, чтобы видеть в нем комнату, однако графа в ней не было!

Вздрогнув, я слегка порезался, но не сразу обратил на это внимание, машинально кивнув в ответ на приветствие. И тем не менее он стоял позади меня, почти вплотную, не убирая своей руки, я это чувствовал, но в зеркале не было его отражения...

Это потрясло меня и очень обеспокоило: неужели мои нервы не в порядке? Мною вновь овладело смутное беспокойство, которое охватывало меня всякий раз, когда граф находился поблизости.

Глаза графа демонически сверкнули... Я стремительно отпрянул, и его рука, скользя по моей груди, коснулась шнурка, на котором висел крест.

Только теперь я заметил порез, отложил бритву и повернулся к несессеру взять пластырь, а граф отступил на полшага от меня, давая мне возможность пройти. Однако когда он

увидел мой слегка окровавленный подбородок, его глаза демонически сверкнули, и он внезапно потянулся к моему горлу. Странность происходящего настолько оглушила меня, что я стремительно отпрянул, и его рука, скользнув по моей груди, коснулась шнурка, на котором висел крест. Это сразу же вызвало в нем перемену, причем ярость исчезла так быстро, что я усомнился, была ли она вообще.

– Будьте осторожнее, когда бреетесь, – буркнул он. – В наших краях такие порезы гораздо опаснее, чем вам кажется... – Схватив мое зеркало, граф воскликнул: – Вот эта злополучная вещь во всем и виновата! Прочь ее!

Он с бешенством распахнул тяжелую раму и вышвырнул зеркало за окно; брызнув сотней осколков, оно разбилось о камни, которыми был выложен двор. Затем, не произнося ни слова, граф удалился.

Все происшедшее крайне неприятно, ибо теперь я положительно не знаю, как привести себя в надлежащий вид, – разве что перед жестяной коробкой от чая или перед крышкой моего бритвенного прибора, которая, к счастью, изготовлена из полированного металла.

Когда я вошел в комнату, стол был уже накрыт; граф отсутствовал. Я позавтракал в одиночестве. Удивительно, а ведь я до сих пор не видел господина Дракулу ни за едой, ни за питьем. Он, вероятно, совершенно необычный человек...

После завтрака я решил немного побродить по замку. И эта прогулка меня сильно взволновала: повсюду множество дверей, и все заперты... Нигде никакой возможности выбраться наружу, разве только через окна. Замок – сущая тюрьма, а я, оказывается, – пленник графа Дракулы!

Меня поначалу охватило бешенство. Я начал бегать по лестницам, ломился в двери, пытался открыть каждое окно, но немного погодя сознание полной беспомощности заглушило все прочие чувства. Мне казалось, что я схожу с ума, и я вел себя, как крыса в мышеловке. Позже, придя к выводу, что положение мое безнадежно, я стал хладнокровно обдумывать, как выпутаться из него, однако все еще не нахожу ответа. Мне ясно лишь одно: хозяин замка ничего не должен знать. Он ведь уверен в том, что я никуда не денусь, и откровенничать с ним нельзя ни в коем случае.

Я спустился в коридор, ведущий к столовой, и замер. Стояла оглушительная тишина, сердце мое гулко стучало. Я понимал, что мне необходимо постоянно быть начеку, потому что или я сам поддался, словно ребенок, мною же придуманному чувству страха, или в самом деле нахожусь в отчаянном положении. Если верно последнее, то прежде всего необходимо сохранить ясность мыслей...

Едва я успел немного успокоиться, как внизу заскрипела входная дверь: граф вернулся. Я юркнул в библиотеку и принялся настороженно ждать, делая вид, что просматриваю какую-то книжку. Однако он не появился, и я на цыпочках пробрался в свою комнату. Там я и обнаружил графа: он спокойно готовил мою постель. Граф обернулся, приветливо кивнул и сказал, что ужин будет готов через час и он сам накроет стол.

Все это подтвердило мои предположения, что прислуги в доме нет, раз он сам исполняет обязанности челяди. Вывод этот меня даже напугал: если в замке больше никого нет, значит, граф был и кучером той кареты, которая доставила меня сюда. Я ужаснулся: что же означает его способность усмирять ночных хищников одним движением рук? Почему жители Бистрицы и мои спутники в дилижансе смотрели на меня с сочувствием и опаской? И пусть благословит Господь ту добрую женщину, которая повесила мне крестик на шею: каждый раз, как я до него дотрагиваюсь, я чувствую облегчение и прилив сил.

...Когда я только начал вести свои записи, то опасался, что пишу слишком подробно и много лишнего. Однако теперь я рад, что так вышло – здесь происходит много необычного. Меня это держит в напряжении, я задумываюсь, нет ли тут угрозы моей жизни, и начинаю жалеть о том, что согласился на это путешествие. Быть может, трудная дорога и ночные

бодрствования так болезненно подействовали на меня, но если бы этим все и ограничивалось! Мне не с кем поговорить, кроме графа, а он... Я начинаю предполагать, что в этом жутком и странном доме я единственная живая душа. Попробую разобраться в фактах. Записи помогут мне сохранить здравый смысл и не пойти на поводу фантазии...

Я должен узнать о графе Дракуле все. Сегодня же вечером постараюсь заставить его открыться, если только удастся коснуться в разговоре этой темы. Но придется быть очень осторожным, чтобы не возбудить его подозрений.

Глава 3

12 мая

Вчера вечером граф задал мне ряд юридических вопросов по поводу своих дел; я решил занести их в дневник. Прежде всего, он спросил, можно ли в Англии иметь двух разных юристов. Я ответил, что он может нанять хоть дюжину, но это неразумно – смена стряпчего всегда невыгодна клиенту. Граф кивнул и поинтересовался, осуществимо ли на практике, чтобы один поверенный сопровождал его, ну, скажем, в качестве распорядителя финансами, а другой следил в это время за погрузкой кораблей в совершенно другом месте. Я попросил его высказаться определеннее, и он задумчиво проговорил:

– Допустим... мистер Питер Хокинс, живущий вдали от Лондона близ великолепной церкви в Эксетере, нашел при вашем посредничестве для меня местечко в центре города. Отлично! А теперь позвольте говорить с вами откровенно, дабы вам не показалось странным, что вместо того, чтобы поручить покупку имущества человеку, живущему в Лондоне, я обратился к тому, кто проживает за его пределами. Я постарался бы найти агента, который посвятил бы все свои усилия исключительно моим делам, а не исходя из личных интересов и выгоды... Теперь предположим, что мне, как человеку деловому, необходимо отправить товар, скажем, в Ньюкасл, Харвич или Дувр. В этом случае, наоборот, не проще ли нанять кого-нибудь на месте, а не обращаться к тому же... э-э... мистеру Хокинсу?

Я согласился с ним, но напомнил, что мы, юристы, имеем повсюду своих доверенных людей, и любое поручение клиента будет немедленно исполнено местными агентами по инструкциям адвокатской конторы.

– Тем не менее, – возразил он, – лично я могу сам управлять всеми делами?

– Конечно. Это принято у деловых людей, которые не желают, чтобы их имена и обороты были известны кому попало...

– Прекрасно! – нетерпеливо перебил меня хозяин замка. – Давайте тогда займемся составлением нужных бумаг и поручительств, чтобы я смог избежать всякого рода случайностей...

Я объяснил как мог точнее все, что знал, и в конце концов у меня сложилось впечатление, что он сам достаточно глубоко изучил юриспруденцию, так как не было ни одного пункта, которого бы граф не учел. Затем, вполне удовлетворенный нашей работой, он поднялся и спросил:

– Писали ли вы после вашего отчета мистеру Хокинсу какие-либо письма?

Я огорченно ответил, что до сих пор еще не имел такой возможности.

– Ну, так напишите сейчас же, – сказал граф, опустив свою тяжелую руку мне на плечо, – сообщите, что вы с удовольствием пробудете здесь еще около месяца...

– Вы хотите задержать меня на столь продолжительное время? – растерялся я.

– Для меня это крайне желательно... и никаких возражений я не приму! У меня еще есть вопросы к вам... Когда ваш патрон сообщил мне, что пришлет своего заместителя, то мы условились, что приниматься во внимание будут только мои пожелания. Я не ограничивал сроков вашего пребывания у меня в доме...

Что мне оставалось делать? Ведь эта поездка была продиктована интересами юридической конторы мистера Хокинса, и мне приходилось думать прежде всего о деле, а не о себе. Кроме того, во взгляде графа Дракулы и во всем его поведении было нечто такое, что сразу напомнило мне о моем положении пленника. Заметив тревогу на моем лице, он сразу же воспользовался властью надо мной – вежливым, но не допускающим возражений способом:

– Однако попрошу вас, молодой человек, в письмах не касаться ничего другого, кроме дел. Напишите также, что вы живы, здоровы и надеетесь вскоре вернуться домой...

Граф протянул мне три чистых листа бумаги и конверты. При этом странная усмешка несколько исказила очертания его крупного рта, слегка обнажив острые, схожие с волчьими клыками зубы; внутренне содрогнувшись, я отчетливо понял, что должен быть очень осторожным в своих посланиях, так как ему ничего не стоило их прочесть. Поэтому в его присутствии я решил написать только официальные письма, а потом уже тайком сообщить обо всем подробно мистеру Хокинсу и моей невесте Мине. Кстати, Мине я могу писать стенографическим письмом, точно так же, как я пишу этот дневник, что поставит графа в затруднительное положение, если он окажется чересчур любопытен.

Быстро настрочив два письма и запечатав их в конверты с уже надписанными адресами, я спокойно уселся и начал листать какой-то исторический роман, пока граф делал заметки, справляясь в книгах, лежащих на столе. Затем он присоединил оба моих конверта к своей почте, лежавшей около чернильного прибора, и вышел из комнаты. Едва дверь за ним затворилась, я кинулся к письменному столу. Угрызения совести меня не мучили. Одно из писем графа было адресовано Самуилу Ф. Биллингтону в Уайтби; другое – господину Лейтнеру в Варну; третье – Кутцу и К^о в Лондон; четвертое – банкирам Клопштоку и Бильрейту в Будапешт. Второе и четвертое были еще не запечатаны. Но только я собрался ознакомиться с их содержанием, как заметил движение дверной ручки. Я едва успел разложить письма в прежнем порядке, усесться в кресло и вновь приняться за книгу, как показался граф, держа в руках еще один конверт. Он забрал со стола письма и повернулся ко мне со словами:

– Надеюсь, вы, как всегда, извините меня за то, что я покину вас на весь вечер...

Я, словно заводной болванчик, закивал головой.

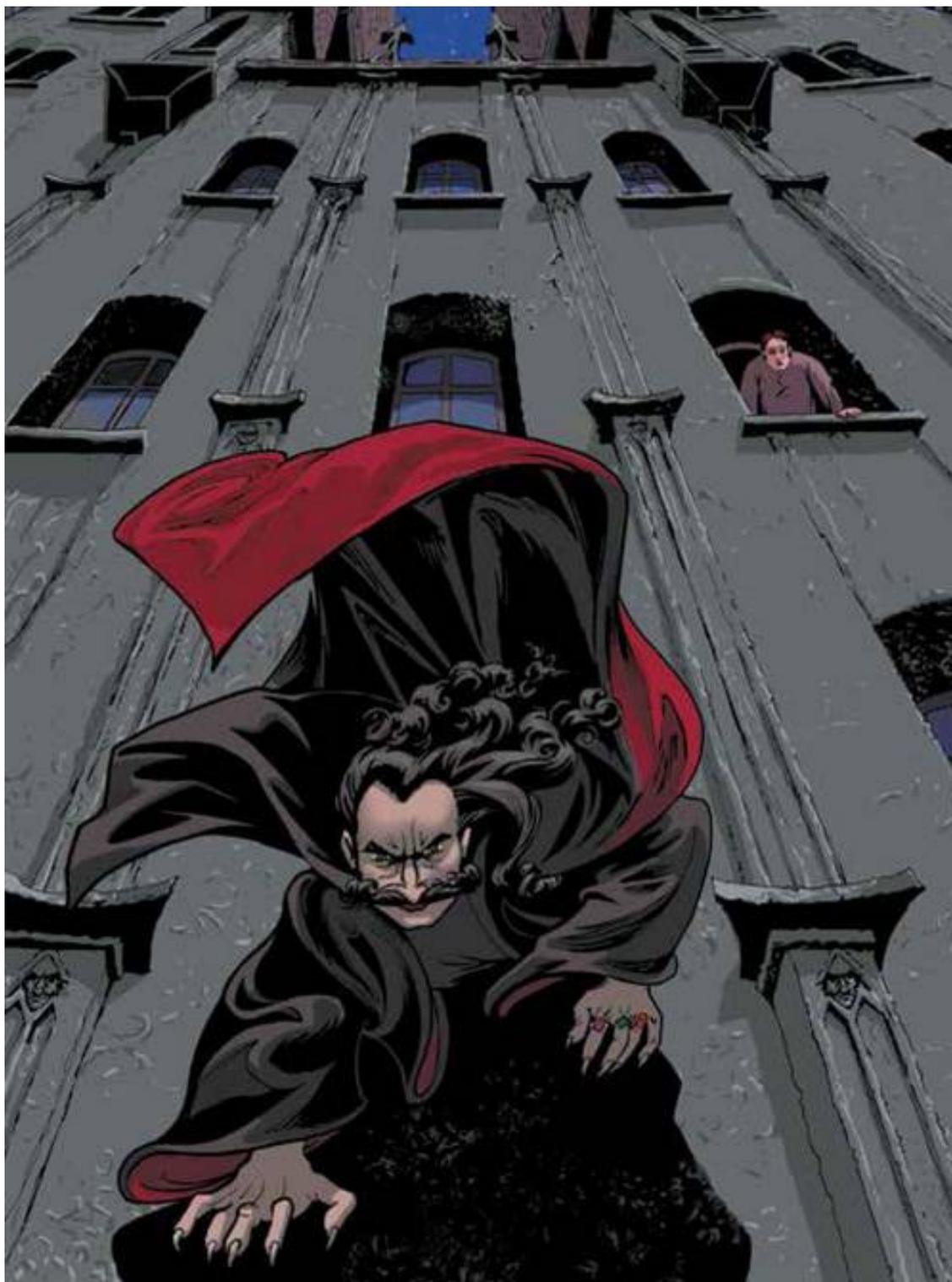
– И вот еще что, – после минутной паузы, уже на пороге, проговорил он, – советую вам, друг мой, больше не покидать своей комнаты. Если ослушаетесь, проблем вам не избежать – в этом старинном замке целый лабиринт тайн. Его древние стены хранят воспоминания, которые для людей чувствительных чреватые опасными видениями... Итак, вы предупреждены! Оставайтесь в своей спальне или в одной из этих комнат, и тогда ваш покой гарантирован. Ведь я не могу нести ответственности за... – Граф, не закончив фразы, с силой захлопнул за собой дверь.

Я отлично понял его, однако усомнился в возможности существования еще большего кошмара, чем та неестественная, полная мрака и тайн действительность, которая окружала меня.

Позже ночью

Теперь, когда я заканчиваю запись в дневнике, сомнений не остается. Даже если мне придется жить в этом замке еще месяц, я, быть может, продержусь, – лишь бы его не было рядом. Повесив крестик у изголовья кровати, я немного успокоился...

Конечно же, графа я ослушался.

*Мое любопытство перешло в ужас,
когда я увидел, что граф ползет по стене
головой вниз, словно ящерица или паук.*

Едва он покинул библиотеку, я отправился к себе. Немного погодя, не слыша ни звука, выглянул в коридор и отправился по каменной лестнице в южное крыло дома. Здесь

я, распахнув окно, мог наслаждаться свободой, глядя на обширное, хотя и недоступное мне пространство. Мне просто хотелось немного подышать свежим ночным воздухом... Я любовался пейзажем, озаренным мягким лунным светом, очертаниями далеких холмов, бархатными тенями деревьев, спокойными долинами. Мирная красота природы взбодрила меня. Неожиданно за окном послышались едва уловимые звуки, схожие с прерывистым царапаньем по камню. Я осторожно выглянул и заметил какую-то тень на стене под окном – там, где, по моим догадкам, находилась комната хозяина замка. Однако мое любопытство перешло в ужас, когда я увидел, что граф ползет по стене головой вниз, словно ящерица или паук, причем одежда развеивается над ним, как широкие черные крылья. Я глазам своим не поверил! Лица графа не было видно, однако я сразу узнал его по движениям плеч и рук. Это не могло быть ошибкой – Дракула полз с невероятной быстротой вниз по стене, пользуясь каждым выступом и неровностью каменной кладки...

Кто же он такой?!

Я в смятении отпрянул от окна и кинулся в свою комнату.

15 мая

Снова видел графа, ползущего черным пауком по стене замка. Он спустился на добрых сто футов, исчезнув в какой-то дыре. Я высунулся в окно, стараясь проследить его путь, но безуспешно, так как расстояние было слишком велико. Я знал теперь, что замок пуст, и поэтому решил воспользоваться удобным случаем, чтобы осмотреть все, что не успел раньше. Вернувшись к себе в комнату и взяв светильник, я обошел все двери – они оказались запертыми, как я и ожидал; потом я спустился по лестнице в холл. Тяжелый засов можно было отодвинуть и довольно легко снять цепи с крючков, но входная дверь оказалась наглухо запертой снаружи – ключа я поблизости не нашел...

Я продолжал осматривать различные закоулки и коридоры, пробуя все двери. Две небольшие комнатки близ зала оказались не запертыми, но там не нашлось ничего интересного, кроме старинной мебели, покрытой пылью и изъеденной жучком. В конце концов любопытство привело меня на самый верх, где в нише я обнаружил плотно прикрытую дверь, которая от толчка поддавалась. Я вошел...

Судя по всему, окна этой комнаты выходили на запад, в отличие от остальных, анфиладой расположенных вдоль той стороны дома, где мы с графом обитали. Замок был возведен на уступе большого утеса и с трех сторон совершенно неприступен – под ним зияла громадная пропасть. Я взглянул в одно из окон – вдали лежала долина, край которой тонул в сизой мгле. Мне показалось, что комната была когда-то обитаема, поскольку обстановка выглядела там даже уютнее, чем в той, где меня поселили. Занавеси на окнах отсутствовали, и мертвенный свет луны, проникавший сквозь мутные стекла, скрадывал толстый слой пыли, лежавший повсюду. Я постарался унять дрожь, и постепенно спокойствие вернулось ко мне...

16 мая. Позднее утро

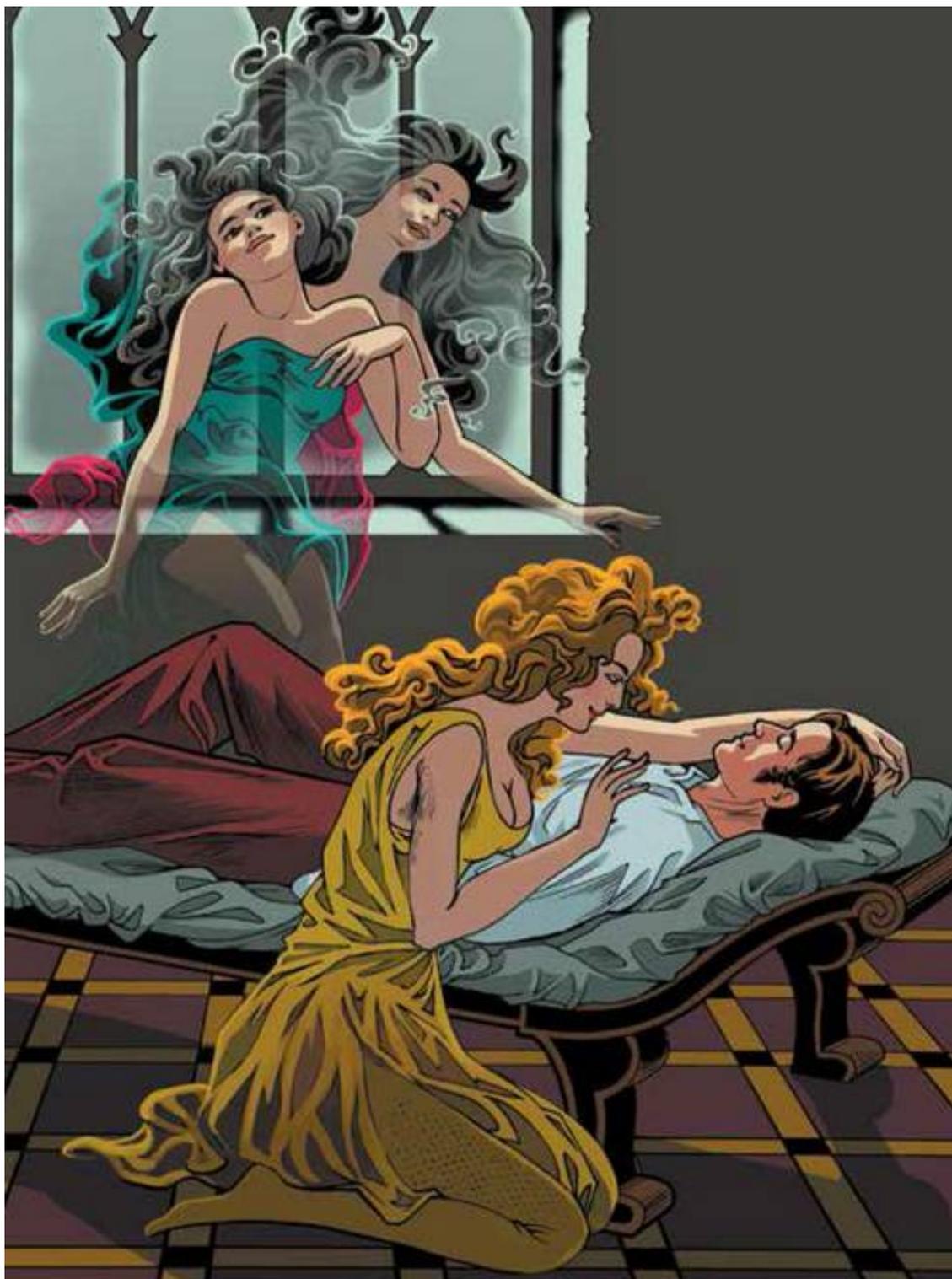
Да хранит Господь мой рассудок, так как я в этом больше всего нуждаюсь!

Оказавшись в комнате наверху, я решил в эту ночь не возвращаться в свою мрачную тюрьму, а остаться здесь. Сон одолевал меня все сильнее, и вместе с тем во мне заговорило упрямство. Я помнил предостережение графа, однако страстное желание послушаться его оказалось сильнее. Мягкий лунный свет озарял комнату; я погасил свою лампу, вытащил какую-то кушетку из угла и поставил ее так, что мог лежа глядеть в окно... На пыль я не обращал внимания... Вероятнее всего, я все-таки уснул; надеюсь – так оно и было...

Сейчас, при ярком солнечном свете, когда я занову эту запись в дневник, мне жутко представить, что это происходило наяву, в реальности.

...Вскоре я почувствовал, что я не один. Комната была та же – я мог различить свои следы на запыленном полу. В лунном свете, стоя у окна, меня пристально разглядывали три женщины – судя по одежде, молодые леди. И ни одна из них не отбрасывала тени! Мне казалось, что я продолжаю спать, однако, когда они подошли вплотную к моей кушетке и начали шептаться, я едва сдержал крик... Две из них в сумраке показались мне брюнетками с тонкими орлиными профилями, как у графа, темноглазыми, с красноватыми отблесками в зрачках. Копна вьющихся волос третьей отливала светлым золотом, глаза были цвета бледного сапфира. Ее лицо показалось мне знакомым. Улыбки женщин не скрывали блестящих зубов, похожих на крупный жемчуг в оправе рубиновых сладострастных ртов, и в этом было нечто такое, что заставило меня неловко сжаться. Во мне вспыхнуло извращенное желание ощутить хоть один поцелуй этих кровавых губ... Все трое тут же рассмеялись нежным серебряным смехом. Блондинка кокетливо прищурилась, когда ее легонько подтолкнули ко мне:

– Давай же! Ты первая, а мы следом... Он такой крепкий, молоденький – тут всего хватит на троих!

*Девушка опустилась на колени...
Она что-то шептала, наклонялась все ниже
и наконец потянулась к моему горлу.*

Предвкушение наслаждения пронзило меня, словно молния, мои веки затрепетали... Девушка опустилась на колени и склонилась так близко, что я почувствовал ее медовое дыха-

ние, приправленное горьковатым запахом металла. Она что-то шептала, как бы убаюкивая меня, наклонялась все ниже, облизывая губы подвижным кончиком языка, и наконец со стоном потянулась к моему горлу. Я закрыл глаза, ощутив на коже прикосновение ее острых зубов, и в томном восторге, трепеща, ждал...

В ту же секунду я очнулся от свирепого шепота графа:

– Не смей его трогать!

Я мгновенно открыл глаза и увидел, как Дракула схватил женщину за волосы и оттащил от моей кушетки. Мертвенно-бледное лицо его застыло, как бы окаменев, глаза гневно сверкали; он обернулся к двум другим и прорычал:

– Я вам запретил даже смотреть в его сторону. Ступайте прочь! Он принадлежит мне!

Леди-блондинка расхохоталась за его спиной.

– Разве ты можешь любить? – Она тут же юркнула к своим веселым подружкам, которые графа вовсе не испугались.

Граф нахмурился, но смягчил резкость тона:

– Это неправда; в прошлом вы сами убедились в этом... Клянусь, что как только покончу с ним, отдам его вам. Целуйте сколько угодно... А теперь прочь! Я должен его разбудить...

– Ты ведь что-то принес нам сегодня? – спросила одна из женщин, указав на шевелящийся мешок, который граф бросил на пол. – Можно забрать?

Он утвердительно кивнул.

Женщины радостно закружились вокруг добычи: послышался жалобный плач ребенка. Я не мог пошевелиться, словно под гипнозом; со страхом я смотрел, как три извивающиеся женские фигуры бледнеют и растворяются в лунном свете, становятся все тоньше и тоньше, пока полностью не исчезли в окне...

В комнате не было ни графа, ни его ужасающего мешка.

Я попытался подняться – и тут же провалился в забытие.

Глава 4

Проснулся я в собственной постели.

Значит, граф перенес меня сюда. Кое-что это подтверждало: моя одежда была сложена иначе, чем обычно, часы остановились, а я их всегда завожу на ночь. Конечно же, это не могло служить доказательством; возможно, мои нервы были не в порядке, и, если ночные события не привиделись мне, в этом нужно разобраться. Чему я, однако, порадовался, так это тому, что карманы и кофр остались нетронутыми; видимо, граф очень спешил, когда перенес меня сюда и раздел. Он также не знает, что я веду дневник. И хотя стенографическая запись была бы для него загадкой, обнаружив тетрадь, Дракула наверняка бы уничтожил дневник.

Теперь спальня, всегда казавшаяся мне отвратительной, стала как бы моей крепостью – те ужасные создания только и ждут случая отведать моей крови...

18 мая

И все же я снова вернулся в ту комнату, так как должен был наконец узнать всю правду. Однако дверь оказалась запертой. Она была захлопнута с такой силой, что даже перекосилась. Я догадался, что это сделано изнутри. Боюсь, что ночной кошмар вовсе не привиделся мне.

19 мая

Граф вежливо, но настоятельно попросил меня написать три письма под его диктовку.

В первом сообщалось, что дела мои здесь почти завершены и через несколько дней я отправляюсь домой. Во втором – что я выезжаю на следующий день после даты, указанной в письме, а в третьем – что я уже покинул замок и прибыл в Бистрицу. Я сознавал, что в моем положении открыто перечить графу – безумие, ведь я находился в его власти, и категорический отказ писать возбудил бы его подозрения и навлек на меня еще большие беды... Единственная моя надежда теперь – дожидаться удобного случая и бежать.

Хозяин замка объяснил, что почта ходит здесь редко и не заслуживает доверия, поэтому следует заранее известить о моем приезде; кроме того, убеждал он меня, что, если по какой-то причине моя поездка будет отложена, всегда можно задержать последнее письмо в Бистрице на необходимое время. Я сделал вид, что согласен с ним, и лишь поинтересовался, какие даты проставить в письмах. Граф на минуту задумался, потом ответил:

– Первое пометьте 12 июня, второе и третье – 29 июня.

Теперь я знаю, сколько мне осталось жить на свете.

28 мая

Появилась возможность бежать или, по крайней мере, отправить весточку в Англию – на подворье замка расположился цыганский табор. Я напишу пару писем и уговорю кого-нибудь из цыган доставить их на почту. У нас вроде бы уже завязалось знакомство – через окошко. Они приветствовали меня взмахами шляп и какими-то жестами, столь же малопонятными, как и их наречие. Где в библиотеке лежат конверты и бумага, я знал.

Вначале я коротко попросил мистера Хокинса связаться с моей невестой Вильгельминой. Письмо к самой Вильгельмине, или Мине, как ее называли все близкие, я зашифровал так, что никому, кроме нее, не удалось бы его прочесть. Мине я сообщил о своем положении, умолчав, однако, об ужасах и тайнах, в которых сам еще не вполне разобрался. Я не хотел ее пугать. Бросив оба конверта сквозь решетку окна вместе с золотой монеткой, я знаками показал, что их нужно опустить в ближайший почтовый ящик. Угрюмый цыган, прижав мои письма к сердцу, сунул их в свою шляпу. Больше я ничего не мог сделать...

Вскоре ко мне без стука вошел граф. Он стал против меня и помахал перед моим лицом знакомыми конвертами.

– Глупые цыгане передали мне каких-то два письма. Пришлось их вскрыть... Одно из них, короткое, от вас к Питеру Хокинсу; другое совершенно странное. – Лицо Дракулы исказила злобная судорога. – Оно не подписано и исчеркано какими-то закорючками. Адресовано некой мисс Мюррей. Это ваше?

Я молчал.

– Это плохой поступок, злоупотребление моей дружбой и гостеприимством... – Граф брезгливо швырнул мое послание к Мине в камин. – Письмо мистеру Хокинсу я отправлю, извольте его заново запечатать. Вот чистый конверт...

Не говоря ни слова, я медленно вывел адрес. Граф, пробормотав: «Ваши письма для меня святы...», с издевкой поклонился и покинул комнату. Я услышал, как ключ повернулся в замке. Подождав минуту, я бросился к двери – она оказалась запертой...

Спустя три часа он потревожил меня вновь. На сей раз граф был очень любезен:

– Вы утомились, мой друг? Не буду вам мешать. Сожалею, что лишен удовольствия продолжить наши ночные беседы, так как занят... Приятных вам сновидений!

Эту ночь я, как ни странно, спал отлично. И отчаяние имеет свои положительные стороны.

31 мая

Поднявшись утром, я вспомнил, что в моих вещах есть чистая бумага и с десяток конвертов. Я решил переложить их во внутренний карман своего дорожного плаща, чтобы использовать в случае необходимости. Однако меня ожидал сюрприз.

В кофре не было ни бумаги, ни конвертов, пропал блокнот с путевыми заметками, расписание железных дорог; нигде не было ни банковских аккредитивов, ни мелких денег, – словом, всего, что могло бы мне пригодиться, будь я на воле. Я стал лихорадочно рыться в портмоне и в шкафу. Мой плащ бесследно исчез; сюртук и плед вместе с ним...

17 июня

Рано утром, еще сидя на краю постели, я неожиданно услышал во дворе замка щелканье бича и стук копыт по камню. Бросившись к окну, я увидел, что два больших фургона, запряженных восьмеркой, въехали на подворье; к каждой паре лошадей был приставлен крестьянин-словак в высоких сапогах, белой шляпе, кушаке и грязных штанах.

Я бросился к двери, однако она опять оказалась запертой снаружи, несмотря на то что граф в последнее время ослабил надзор за мной. Тогда я распахнул рамы и сквозь решетки громко окликнул словаков. Они тупо уставились вверх, стали переговариваться, но тут к ним подошел, очевидно, их старший. Заметив, что словаки глазят на мое окно, мужчина крикнул им что-то, вызвавшее безудержный хохот...

Никакие мои усилия, вопли и отчаянные мольбы не могли заставить прибывших обратить на меня внимание. Они окончательно отвернулись от меня, хоть я и продолжал стоять у окна. Фургоны были нагружены большими прямоугольными ящиками с толстыми ручками, абсолютно пустыми, судя по легкости, с которой их переносили и складывали в углу двора. Затем бородатый толстый цыган расплатился со словаками, после чего они направились к своим лошадям и отбыли.

24 июня. На рассвете

Прошлой ночью граф рано покинул меня и закрылся у себя в комнате. Как только я убедился в этом, то мгновенно взлетел по винтовой лестнице наверх. Меня не покидала уверенность: в замке что-то затевается. Цыгане были постоянно заняты какой-то работой,

порой доносился их гомон, шум, глухой стук то ли мотыг, то ли заступов; что бы они ни делали, ничего хорошего это не сулило...

Я простоял у южного окна почти полчаса, прежде чем заметил, как нечто выползло из окна комнаты Дракулы. Я отпрянул назад и стал осторожно наблюдать. Меня ожидал новый удар – на графе был мой дорожный костюм, а на плече висел тот самый ужасный мешок, на сей раз пустой. Сомнений не оставалось: он похитил мои вещи и нарядился в мое платье – вот, оказывается, в чем смысл его подлой затеи. Он хочет, чтобы все знали, что я сам относил письма на почту. И что все его злодеяния – это моих рук дело...

Меня заставил вздрогнуть жалобный вой собак в долине. Уже светало, я собирался уйти, но ноги мои будто налились свинцом. Бледная луна смотрела на меня холодной усмешкой, словно звала к себе, а я, точно одурманенный, не мог сдвинуться с места и все чего-то ждал... Неожиданно на замок начал напозать туман, похожий на вихрь мельчайших пылинок. В лунном свете пылинки сгущались, а затем начали принимать смутные очертания... Я опомнился и, сделав над собой невероятное усилие, понесся в свою комнату, где все еще горела лампа и где, как мне казалось, я буду в безопасности, – в призраках в тумане я сразу признал все тех же трех молодых женщин...

Я долго не мог успокоиться. Из покоев графа доносились глухие голоса, грохот и хохот, затем раздался резкий вскрик, за которым последовало такое глухое молчание, что я невольно содрогнулся. С бьющимся сердцем я бросился через обе комнаты, проходную и столовую, к коридору, – и не смог выйти. Я снова был под замком. Без сил я опустился на кушетку в темной столовой возле погасшего камина и тут же вскочил как ужаленный – на подворье раздался душераздирающий женский крик:

– Верни моего ребенка, чужестранец!..

Его оборвал вой волков, затем грянул повелительный голос графа Дракулы – и вновь воцарилась гнетущая тишина.

Я вернулся в свою комнату, лег и накрылся с головой тяжелым, как могильная плита, одеялом...

Что же мне делать?

25 июня. Утро

По ночам меня терзают страхи. Я до сих пор редко видел графа при дневном свете. Неужели он спит, когда другие бодрствуют, а ночами принимается за свои кровавые дела? Если бы только я мог попасть в его комнату днем! Мне кажется, шанс добраться туда есть – лишь бы хватило храбрости! Я собственными глазами видел, как он полз по стене, почему бы и мне не попробовать? Это опасно, но ведь и положение мое отчаянное! В худшем случае меня ожидает всего лишь смерть. Да поможет мне милосердный Господь, и если ничего не выйдет, прощай, моя любимая Мина!

Позже

Вот, рискнул и – уцелел...

Откуда у меня взялись силы, не знаю, – но, сняв башмаки, я выбрался из окна верхнего этажа на узкий каменный карниз и глянул вниз. Стена замка была выложена крупными, грубо отесанными глыбами, известка между ними выветрилась от времени. Я начал, ощупывая выступы ногой, осторожно спускаться. Мне было известно направление, а также примерное расстояние; голова не кружилась – должно быть, я был слишком возбужден. Ужасный путь показался мне удивительно коротким, так как уже вскоре я очутился перед открытым окном графских покоев. Тем не менее я страшно волновался, когда перелезал через подоконник.

Комната оказалась совершенно пустой. Мебель была затянута паутиной, постель графа не тронута, а дверь – заперта. Я стал искать ключ; в замке его не оказалось, как, впрочем, и

в других местах. Единственное, что я обнаружил, – кучу золотых монет на полу, покрытых слоем пыли и грязи, – римских, британских, австрийских, греческих, турецких... И всем – не менее трехсот лет. Рядом валялись потемневшие золотые и серебряные украшения и драгоценности.

В углу я увидел тяжелую дверь. Попробовал ее открыть – она поддалась. Винтовая лестница за дверью круто вела вниз. Я начал спускаться, ощупывая скользкие стены с редкими бойницами, сквозь которые едва проникал мутный свет. На самом дне меня остановил душливый запах сырой земли, шедший откуда-то сбоку...

Там обнаружилась еще одна дверь, и когда она отворилась, я очутился в старой часовне, служившей, вероятно, когда-то склепом. Потолок ее сгнил, повсюду валялся всевозможный хлам, зияли какие-то ямы; земля была разрыта совсем недавно и насыпана в длинные деревянные ящики – очевидно, те самые, что привезли словаки. Приспособившись к тусклому свету, я начал исследовать каждый вершок земляного пола. Я заглянул, не без страха, в одну из ям, но она была пуста, не считая обломков старых гробов.

В третьей по счету яме я сделал открытие. Там, в одном из этих больших ящиков, на свеженасыпанной земле неподвижно лежал граф! Он был или мертв, или спал, однако глаза его были широко открыты и неподвижны. Несмотря на восковую бледность лба, на его щеках розовел румянец, а губы были красны как всегда. Не было никаких признаков дыхания или биения сердца... Я наклонился к нему в надежде найти в его одежде ключи от входной двери, – и встретился с мертвым взглядом графа. В нем вспыхнула такая лютая ненависть, что я, вскрикнув, попятился и бегом вернулся через его покои к окну. Руки мои тряслись, когда я карабкался обратно по стене.

Вернувшись к себе, я бросился, задыхаясь, на кровать и попытался привести в порядок мысли.

29 июня

Сегодня наступил срок, обозначенный в моем последнем письме, продиктованном хозяином замка.

Граф пришел ближе к вечеру и заявил:

– Завтра, мистер Харкер, вы отбываете... возвращаетесь в свою прекрасную Англию. Письмо уже отправлено; меня здесь не будет. За вами приедет коляска, которая доставит вас в ущелье Борго, где вы пересядете в дилижанс, следующий из Буковины в Бистрицу...

Я решил проверить, правда ли это, и спросил прямо:

– Почему я не могу выехать сегодня?

– Потому, друг мой, что кучер и лошади сегодня заняты...

– Но я с удовольствием отправлюсь пешком.

Он дьявольски ухмыльнулся, и подозрения мои возродились с новой силой.

– А ваш багаж? – спросил он.

– Я пришлю за ним...

Граф вздохнул:

– Ну что ж, идемте. Не стану противиться вашему желанию...

Держа в руке лампу, он спустился со мной по лестнице, освещая мне дорогу.

Мы подошли к входной двери; граф отодвинул засов и снял цепи; оказалось, что дверь не заперта на ключ.

– Вперед, – сказал он, – и прощайте...

Я шагнул было за порог, но меня остановил волчий вой. Казалось, хищники окружили замок со всех сторон. Я попятился, однако дверь позади меня продолжала медленно закрываться; я услышал смешок графа. У меня мелькнула дикая мысль: вот она, моя участь. Дра-

кула оставит меня на растерзание волкам – и я сам же содействовал ему в этом. Обернувшись, я крикнул:

– Я хотел бы дождаться утра!..

Когда я уже был у себя и собирался лечь, до меня донесся возбужденный шепот. Я на цыпочках подошел к двери и прислушался, сразу же узнав голос графа:

– Ваше время еще не настало. Имейте терпение, я дал слово! Завтра ночью...

*Я распахнул дверь и увидел убежавших юных ведьм
из моего ночного кошмара.*

Вслед за этим раздался хриплый хохот; я в бешенстве распахнул дверь и увидел убежавших трех юных ведьм из моего ночного кошмара. Их спутанные волосы развевались на бегу.

Я вернулся к себе и опустился на колени. Неужели мой конец так близок? Завтра! Боже, помоги мне и тем, кому я дорог!

30 июня

...Возможно, это моя последняя запись. Я дремал до рассвета; проснувшись, я снова стал молиться, так как решил, что если меня ждет смерть, то надо к ней подготовиться.

И все же я не хотел мириться с уготованной мне участью. Бросившись сломя голову в холл, я попытался вырваться из замка, но дверь не поддавалась, хотя я хорошо помнил, что вчера вечером она не была заперта. Отчаяние овладело мною. Страстное желание раздобыть ключ от входа толкнуло меня к мысли снова по стене пробраться в комнату графа, а затем, если его там нет, спуститься в старую часовню. Теперь я знал, где найти моего мучителя...

Ящик все еще находился на прежнем месте, но на этот раз он был закрыт крышкой с гвоздями, которые оставалось только вколотить. Однако мне нужно было его проклятое тело, чтобы отыскать на нем ключ, поэтому я снял крышку и отставил ее в сторону.

Дракула лежал предо мной, но заметно помолодевший; его волосы и усы утратили седину. Щеки казались полнее, а под гладкой кожей горел румянец; на губах краснели свежие капли крови, стекавшие по подбородку на шею. Я содрогнулся, наклонившись к нему; мой обыск ни к чему не привел... Выпрямившись, я в упор взглянул в ненавистное лицо – на нем блуждала ироническая усмешка, которая, казалось, сведет меня с ума... Схватив у стены лопату, я обрушил ее на ящик. Голова графа дернулась, и взгляд василиска парализовал меня настолько, что лопата выпала из моих рук, с грохотом зацепив крышку. Последнее, что я видел, было перекошенное гримасой ненависти лицо графа Дракулы...

Я не помню, как возвратился в столовую. Голова моя горела; в отчаянии я стоял и ждал неизвестно чего... Я услышал, что на подводах въезжают на подворье цыгане, скрипит железная дверь... видимо, – мелькнуло в моем воспаленном сознании, – существует еще один, неизвестный мне вход в замок. Затем я услышал топот ног, затихший в боковой галерее и оставивший после себя долгое эхо, и гортанные крики.

Я собрался было вновь сбежать вниз, под своды, чтобы найти эту лазейку, но внезапно понял, что оказался в запертой клетке – дверь комнаты не поддавалась моим усилиям...

Пока я пишу эти строки, со двора доносятся голоса и грохот перетаскиваемых тяжестей – без сомнения, ящиков с землей. Затем стук молотка – это прибывают крышки... Я кинулся к окну, и мне почудилось, что я узнал закрытый гроб, в котором взял моду отлеживаться граф... Куда его везут? Входные двери запираются, гремят цепи, несколько раз поворачивается ключ в замке...

Сперва во дворе, а затем на дороге послышался грохот удаляющихся повозок, свист бичей, и наконец говор цыган затих вдали.

Я один в замке... и эти женщины – исчадья сатаны. Оставаться здесь невозможно; надо попытаться спуститься по стене и бежать. Набить карманы золотом – оно пригодится... Прихватить все необходимое. Господи, помоги мне вырваться из этого ада! И затем – домой! На первом же поезде, как можно дальше отсюда...

Мина, я хочу остаться человеком. Прощайте все!..

Глава 5

Мина Мюррей – Люси Вестенра

9 мая

Дорогая Люси!

Мое долгое молчание непростительно, но я была завалена работой. Мне так хочется тебя увидеть и поговорить с тобой обо всем, устроившись на нашем местечке у моря...

Я по-прежнему занимаюсь стенографией, так как хочу впоследствии помогать Джонатану. Дневник о своей поездке за границу он также ведет стенографическим письмом. Только что получила несколько торопливых строчек от него из Трансильвании. Он, слава Богу, здоров и вернется приблизительно через неделю; я с нетерпением жду, чтобы обо всем его расспросить. Это, должно быть, очень интересно – побывать в чужих странах. Не думаю, чтобы нам – я хочу сказать, Джонатану и мне, – удалось когда-нибудь вместе увидеть их. Часы уже бьют десять. До свидания!

Любящая тебя Мина

P. S. Пиши мне обо всех новостях. Ты мне давно ничего не сообщала. До меня лишь доходят слухи о тебе и каком-то твоём симпатичном кавалере.

Люси Вестенра – Мине Мюррей

Дорогая моя Мина, ты несправедливо обвиняешь меня, называя неаккуратной корреспонденткой: я дважды писала тебе с тех пор, как мы расстались. Кроме того, мне, право, нечего сообщить такого, что могло бы тебя заинтересовать. Впрочем, город оживился, мы посещаем картинные галереи, гуляем в парке и катаемся верхом. Что же касается «симпатичного кавалера», я думаю, речь идет о том молодом человеке, который был со мной последний раз на охоте. Кому-то захотелось посплетничать! Его зовут Артур Холмвуд. Он часто бывает у нас... Кстати, недавно мы познакомились с одним господином, который стал бы для тебя, Мина, подходящей партией, если бы ты не была уже невестой Джонатана. Он на редкость умен и талантлив, по профессии – врач. Ему всего двадцать девять лет, а между тем он уже руководит лечебницей для душевнобольных. Нам представил его мистер Холмвуд; теперь доктор – наш частый гость. Мне он показался сдержанным, но решительным человеком, необыкновенно проникательным... Мина! Мы с детства поверяли друг другу тайны, вместе росли, вместе плакали и смеялись. Хочу открыть тебе самое сокровенное. Дорогая! Неужели ты не догадываешься? Я влюблена в Артура! Краснею, когда пишу это, и надеюсь на ответное чувство... он так нежно смотрит на меня, однако пока молчит... Я люблю его! Ну вот, теперь мне стало легче. Хочется быть рядом с тобой, милая моя! Сидеть у камина, глядя в огонь, как бывало, держаться за руки и беседовать о сокровенном... Не понимаю, как у меня хватило духу написать об этом даже тебе! Боюсь перечитывать это письмо. Ответь мне сейчас же и скажи все, что ты об этом думаешь! Прощай, дорогая Мина! Помяни меня в твоих молитвах, помолись за мое счастье.

Люси

P. S. Не нужно говорить тебе, что это тайна. Еще раз спокойной ночи.

Люси Вестенра – Мине Мюррей

24 мая

Любимая моя Мина!

Бесконечно благодарю за неожиданное письмо! Так приятно, что, узнав о моих переживаниях, ты столь сердечно отнеслась ко мне. Дорогая моя, события покатались лавиной. В начале осени мне исполнится двадцать лет, и до сегодняшнего дня никто не делал мне предложения, а тут сразу три. Двоих из них мне положительно жаль... Мина! Я расскажу тебе об этих визитах, но ты должна держать это в секрете от всех, кроме Джонатана...

Итак, слушай: первый жених явился перед завтраком. Я говорила тебе о нем – это мистер Джон Сьюард, главный врач психиатрической клиники. Доктор казался сдержанным, но я все-таки заметила, что руки у него подрагивают... Он признался, как я ему дорога, несмотря на короткий срок нашего знакомства; что я нежная и хрупкая, однако была бы для него душевной опорой и радостью жизни. Затем он сказал о том, как будет одинок, если я откажу ему. Увидев мои слезы, он сейчас же прервал разговор, назвав себя глупцом и воскликнув, что ни в коем случае не желает меня тревожить...

– Но смогу ли я надеяться, что вы полюбите меня в будущем? – с надеждой спросил он.

В ответ я отрицательно покачала головой. Мистер Сьюард спросил, не люблю ли я кого-нибудь другого. Мина, я решила, что мой долг – сказать ему правду. Услышав ответ, доктор поднялся с кушетки и, взяв обе мои руки, с серьезным лицом торжественно произнес, что уверен: я буду счастлива. И если мне понадобится друг, при любых обстоятельствах он будет к моим услугам... Мина, я плачу, так горько мне было видеть замечательного человека, сердце которого разбито. Дорогая, я должна прервать письмо, так как чувствую себя отвратительно, тем более что огорчения мои на этом не закончились...

Вечером

Недавно ушел мой Артур, и теперь я гораздо спокойнее, чем тогда, когда в полдень прервала это письмо. Продолжаю свой рассказ. Итак, Мина, номер второй нанес визит около одиннадцати. Это богатый американец из Техаса, славный малый, причем он до того свежо и бодро выглядит, что просто не верится в истории о пережитых им приключениях.

Мистер Квинси Моррис застал меня одну. Он воспитанный и образованный человек и вполне владеет английской литературной речью, но иногда, в узком кругу, желая развлечь слушателей, болтает на американском жаргоне. Так и сегодня мистер Моррис сел рядом со мной, взял мою руку и весело воскликнул:

– Мисс Люси! Думаю, что если вы будете дожидаться, пока появится достойный вас мужчина, то вам в конце концов придется, взяв светильник, стать в хвост за семью евангельскими невестами. Знаю, что недостойн даже завязывать шнурки на ваших башмачках, но не хотите ли вы поковылять рядом со мной по долговому мирскому пути и вместе потянуть житейскую ляжку?

Я заметила, что, несмотря на фривольность, американец жутко нервничает, однако мне было куда легче отказать ему, чем доктору. Я отшутилась, и он все понял; лицо мистера Квинси стало на миг замкнутым и грустным. Затем он воскликнул, что догадывается, в чем дело, и уважает мои чувства, хочет быть мне другом – и прочее в том же духе. Этот человек настолько жизнерадостный, сильный и добрый, что мне было легко поцеловать его на прощание, когда он сообщил, что скоро покидает Англию... При этом я покраснела и смутилась, а мистер Моррис, выпустив мои руки, схватил шляпу и, ни разу не оглянувшись, направился к двери... а я тут же снова расстроилась до слез.

Вечно любящая тебя Люси.

Р. С. О номере третьем мне, пожалуй, не стоит и сообщать. Все произошло в одно мгновение; не успел он войти в комнату, как его руки обхватили меня, а горячие губы покрыли поцелуями. Я очень счастлива и положительно не знаю, чем заслужила такое счастье.

Записи доктора Джона Сьюарда

25 мая

Полное отсутствие аппетита, не могу ни отвлечься, ни мыслить... так что вместо бумаги и пера – мой верный фонограф. Только ему я могу доверить то, что со мной сейчас творится.

После вчерашнего отказа Люси чувствую внутреннюю пустоту; в моем нынешнем состоянии единственное облегчение – работа, поэтому я отправился к своим больным. Особенно долго провозился с одним пациентом, который меня заинтересовал своими странными идеями. Он до того не похож на обычного сумасшедшего, что я решил внимательнее за ним понаблюдать; сегодня, кажется, удалось немного приблизиться к сути его недуга, хотя это было жестоко с моей стороны. Я как бы старался определить главный нерв его безумия – то, чего я обычно избегаю в своей практике. Вот мои предварительные выводы:

«Пациент Р. М. Рэнфилд, 59 лет. Темперамент сангвинический; недюжинная физическая сила; болезненно возбуждается; периодически подвержен припадкам черной меланхолии. Полагаю, ему грозит окончательное помешательство. Возможно, что при всем своем внешнем равнодушии к людям и миру он представляет серьезную опасность для общества...»

Квинси Моррис – мистеру Артуру Холмвуду

25 мая

Дорогой Арчи!

Мы обменивались всевозможными историями у костра в прериях, перевязывали друг другу раны после попытки высадиться на Маркизах и веселились на берегах озера Титикака. Теперь появились другие раны, которые нужно залечить, и повод поднять бокалы. Не желаете ли Вы посетить меня завтра вечером? Приглашаю Вас, наверняка зная, что будете свободны... К нам присоединится только наш старый товарищ Джон Сьюард. Мы будем пить за здоровье счастливейшего из смертных, которому одна леди отдала свое сердце... Обещаем доставить Вас домой, если окажется, что Вы выпили слишком много за некую прелестную и известную нам обоим пару глаз. Итак, ждем!

Преданный тебе Квинси Моррис

Артур Холмвуд – Квинси Моррису. Телеграмма

26 мая

Рассчитывайте на меня при любых обстоятельствах.

Арчи.

Глава 6

Дневник Мины Мюррей

24 июля. Уайтби

Люси встретила меня на вокзале, откуда мы поехали прямо к ней. Какая живописная местность: небольшая река Эск протекает здесь по долине, вблизи расположена гавань. Берег реки так крут, что, когда едешь верхом, вся долина утопает в зелени. Дома в старом городе жмутся друг к другу и покрыты черепицей, вдали виднеются руины аббатства Уайтби, которое давным-давно разорили датчане. Между руинами еле заметна приходская церковь, окруженная кладбищенской оградой, внутри которой много могил и памятников. Я нахожу, что это самое красивое место во всем городке, так как оно находится на возвышении, отсюда открывается прекрасный вид на гавань и бухту с мысом, выступающим далеко в море. На мысу расположены скамьи; здесь много гуляющих, которые любят живописным видом и наслаждаются морским воздухом...

Вот и сейчас я сижу там, держа тетрадь на коленях, и невольно прислушиваюсь к беседе трех пожилых господ. Они, кажется, целыми днями заняты лишь своими разговорами.

Гавань расположена прямо подо мной, причем ее противоположный берег – это длинная гранитная площадка, на которой находится маяк. С двух сторон она окружена морем. Внутри гавани этот выступ, изгибаясь, врзается в сушу и заканчивается еще одним маяком. Между обоими молами расположен узкий проход в гавань, вблизи него установлен бакен с колоколом, заунывные звуки которого в дурную погоду далеко разносит ветер.

Скоро возвращаюсь домой. Люси с матерью отправились с визитами, а так как они чисто деловые, я к ним не присоединилась. Теперь-то обе, надеюсь, дома.

1 августа

Сегодня мы с Люси снова сидели на нашей заветной скамье на кладбище. К нам присоединился старик. Он оказался большим скептиком и предположил, что под могильными плитами вряд ли похоронены те, чьи имена высечены на плитах, так как моряки по большей части гибнут в море. Люси расстроилась. Мы скоро ушли домой.

Позже

Я возвратилась на кладбище одна, так как мне ужасно грустно. Нет никаких писем. Молю Бога о том, чтобы ничего не случилось с Джонатаном. Только что пробило девять. На городских улицах зажигаются цепочки фонарей; огни бегут вдоль набережной реки и по изгибу долины. Слева все скрыто от глаз черной полосой – крышей соседнего с аббатством дома. Позади на полях слышно блеяние овец и ягнят, а снизу, с мощеной дороги, доносится топот копыт. Оркестр на молу играет какой-то вальс, а на берегу Армия спасения устроила собрание... Не имею представления, где находится Джонатан и вспоминает ли он обо мне. Как бы я хотела, чтобы он был рядом!

Записи доктора Джона Сьюарда

5 июня

Наблюдать мистера Рэнфилда становится все интереснее. Некоторые черты характера у него особенно сильно развиты: эгоизм, скрытность, упрямство.

Хотел бы я понять истоки последнего. Пациент словно стремится к некой цели, но какой – пока неясно. Теперь, например, его конек – ловля мух. С маниакальной страстью Рэнфилд выражает любовь к этим насекомым, граничащую иногда с аномальной жестокостью. Мух у него такая уйма, что мне пришлось сделать больному выговор. К моему удивлению, он не разразился бранью, как я ожидал, а чуть поразмыслив, проговорил:

– Дайте три дня сроку – и я их уберу.

Пришлось согласиться.

18 июня

Теперь его страсть перешла на пауков; у него в коробке несколько очень крупных особей. Он кормит пауков мухами, и число последних заметно уменьшилось...

1 июля

Сегодня я велел Рэнфилду расстаться и с пауками. Так как это его чрезвычайно огорчило, пришлось пойти на уступки и предложить уничтожить хотя бы часть насекомых. Он согласился. Однако, приходя к нему в палату, я испытываю некоторое отвращение. В окно к нему влетела огромная жирная муха, только что отобедав какой-нибудь дрянью, а мой больной поймал ее, принялся рассматривать и, прежде чем я успел опомниться, сунул в рот и проглотил... Я начал его бранить, но он преспокойно возразил, что это очень вкусно и питает его энергией.

Такое поведение заставляет меня еще пристальнее наблюдать за Рэнфилдом. Он всегда держит при себе маленькую записную книжку, куда вносит разные заметки. Целые страницы испещрены формулами, состоящими по большей части из однозначных чисел, которые суммируются, а затем снова записываются, как будто больной подводит итог, известный ему одному.

8 июля

Мое предположение о системном характере его заболевания подтверждается. Скоро, по-видимому, окончательно сложится стройная концепция. Я на несколько дней покинул своего пациента, так что теперь могу отметить перемены, которые за это время произошли. Все осталось, как прежде, кроме разве того, что старые причуды сменились новыми. Рэнфилд как-то умудрился поймать воробья и уже отчасти приручил его.

19 июля

У моего подопечного теперь целая стая воробьев. Насекомые в комнате полностью отсутствуют. Когда я делал обход, он сказал, что у него ко мне большая просьба. Я поинтересовался, в чем дело. Тогда Рэнфилд с каким-то упоением воскликнул:

– Котенка, хорошенького, гладкошерстного, живого, с которым можно играть и учить его...

Я обещал поискать и спросил, не хочет ли он взрослую кошку вместо котенка. Тут он выдал себя:

– Конечно же, мне хотелось именно кошку, но я просил поменьше... боясь, что вы мне откажете...

Я кивнул, однако предупредил, что так скоро, пожалуй, мне животное не добыть, однако я буду искать... Тут лицо пациента омрачилось, в глазах появилось опасное выражение – отблеск внезапно вспыхнувшего гнева. Тот самый косой взгляд, полный жажды убийства.

20 июля

Посетил Рэнфилда очень рано. Застал его проснувшимся и напевающим какую-то мелодию. Я огляделся в поисках воробьев, не заметив ни одного, спросил, где они. Он ответил, не оборачиваясь, что все улетели. В комнате я заметил несколько птичьих перьев, а на подушке – капли крови. Я промолчал и, уходя, поручил санитару сообщить мне, если состояние пациента изменится.

11 часов дня

Служитель только что прибежал ко мне с известием, что Рэнфилд захворал, его рвет перьями.

– По-моему, доктор, этот тип сожрал своих птиц – просто брал их и глотал живьем...

10 часов вечера

Я дал Рэнфилду сильную дозу снотворного и забрал у него записную книжку, чтобы изучить ее. Мысль, которая меня последнее время занимала, теперь получила подтверждение. Мой душевнобольной – маньяк особого типа. Я назвал эту манию зоофагией: пациент стремится истребить как можно больше живого и делать это в «восходящем» порядке. Он отдал несколько мух на съедение одному пауку, нескольких пауков одной птице и потом затребовал кошку, чтобы та съела воробьев. Что было бы потом? Стоило бы продолжить опыт, однако, хоть искушение и велико, я его прерву... Но как здраво этот несчастный иногда рассуждает! Сумасшедший всегда исходит из своей собственной цели, но хотел бы я знать, насколько он ценит человеческую жизнь?

Дневник Мины Мюррей

26 июля

Очень тревожусь, и единственное, что на меня действует благотворно, так это возможность высказаться в дневнике.

Я получила наконец весточку от Джонатана. Послание состояло из одной строчки, и в ней говорится, что он недавно выехал домой. Это так не похоже на него; я не понимаю такой краткости, и она меня тревожит. А тут еще и Люси! Несмотря на цветущий вид, она снова вернулась к старой привычке ходить во сне. Мы с ее матерью обсудили этот вопрос и решили, что отныне я на ночь буду закрывать дверь нашей общей спальни на ключ. Миссис Вестенра вообразила, что лунатики ходят только по крышам домов и по краям утесов, а после внезапно просыпаются и с душераздирающим криком бросаются вниз. Она боится за дочь и убеждена, что у Люси заболевание, унаследованное от отца. Осенью назначена свадьба, и Люси уже думает о том, как все устроит в своем доме. Я ее понимаю, так как у меня те же мечты, но только нам с Джонатаном предстоит поначалу с трудом сводить концы с концами. Артур – единственный сын лорда Холмвуда – приедет сюда, как только сможет. Задерживает его лишь болезнь отца. Милая Люси, наверное, считает дни до его приезда. Ей хочется усадить его на нашу скамейку на кладбищенской скале, чтобы показать, как живописен Уайтби.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.